

Глава 7. Перемены

Солнечный свет ложился на бамбуковую рощу, рассыпая золотые блики. Ветер проходил сквозь заросли, и изумрудные тени бамбука мягко колыхались.

Стволы тянулись ровно и прямо, густая листва шумела над головой. В знойные летние дни такие бескрайние зелёные рощи всегда были лучшим местом, чтобы укрыться от жары.

Цзянь Цинъюй неторопливо шёл между бамбуковыми стеблями. Впереди уже раздавались удары топора. С громким треском один толстый, ровный ствол проломился сквозь переплетение ветвей и, накренившись, застрял на другом бамбуке — старом, ещё более мощном, росшем под углом.

Цзянь Цинъюй быстрым шагом подошёл к Линь Жуну, который пытался стащить застрявший ствол вниз, и сказал:

— Иди дальше руби. Если после каждого бамбука ещё и возиться вот так, то мы и до темноты не управимся.

Линь Жун взглянул на ствол, который дёргал уже добрых полдня, но так и не сдвинул ни на волос, и неловко поджал губы. Он понимал, что Цзянь Цинъюй прав, поэтому лишь тихо отозвался:

— Угу.

После чего развернулся искать следующий бамбук.

Его чёрные волосы к этому времени почти высохли. Когда он двигался, от его висков вместе с лёгким ветерком расходился едва уловимый аромат.

Цзянь Цинъюй как раз тянул застрявший ствол, когда до него внезапно донёсся этот запах. Его движения тут же замерли. Он так и остался стоять, согнувшись и напрягая всё тело.

Спустя некоторое время позади снова раздался звонкий грохот упавшего бамбука, и Цзянь Цинъюй мгновенно пришёл в себя. Длинные волосы упали вдоль лица, скрывая выражение глаз. Под тканью одежды резко вздулись мышцы, по коже проступили синевато-лиловые жилы. Он глубоко выдохнул и рванул. Весь застрявший ствол вылетел из густого переплетения ветвей.

— Бах!

Цзянь Цинъюй направился к следующему поваленному бамбуку. Сквозь плотную зелень он краем глаза видел стройные, сильные ноги гера впереди. Когда юноша двигался, до него доносилось и его лёгкое, негромкое дыхание.

Снаружи лицо Цзянь Цинъюя оставалось спокойным. Он молча шёл следом, складывая очищенные от боковых ветвей стволы в одну кучу, а сам думал:

«Надо будет потом спросить у Линь Жуна, чем он моет волосы. Пахнет на удивление приятно».

Когда сваленные у ног стволы уже доходили почти до колен, Цзянь Цинъюй повысил голос:

— Сначала отнесём это обратно.

Они вдвоём сходили туда-обратно два или три раза, перетаскав весь срубленный бамбук во двор у подножия склона. После этого начали распиливать стволы на короткие отрезки, примерно до уровня бедра Цзянь Цинъюя.

Золотисто-оранжевые и пурпурные краски заката пробивались сквозь облака, окрашивая далёкие горы в мягкие сумеречные тона. Двор был залит золотым светом заходящего солнца.

Прищуриив узкие глаза, Цзянь Цинъюй смотрел на стоявшего перед ним гера. Ворот и спина его одежды промокли от пота, на похудевшем лице тоже блестели капли влаги.

— Иди умойся, руки помой и начинай готовить.

— Остальное я сам доделаю.

Молодой гер, окружённый золотистым сиянием заката, тяжело дыша, выпрямился.

— Хорошо.

Помедлив, он добавил:

— Тогда я позову отца помочь тебе.

Цзянь Цинъюй нахмурился. Вспомнив, как Линь Гэнь с трудом ходит, прихрамывая на одну ногу, да ещё и в таком возрасте, он спокойно отказал:

— Не нужно. Один я быстрее справлюсь.

— Хорошо, — Линь Жун больше не настаивал.

Он подошёл к стоявшей у стены бочке с водой, взял лежавший рядом ковш из тыквы-горлянки, зачерпнул воды в деревянный таз и смыл с лица пот, смешавшийся с пылью. Затем тщательно потёр ладони и отправился на кухню готовить ужин.

Цзянь Цинъюй неожиданно понял, что работать в одиночку ему даже быстрее. Не прошло и много времени, как перед ним уже был готов загон для птицы.

Место для кур и уток обычно устраивали на заднем дворе. Там всегда скапливалось много помёта, а в жару поднимался тяжёлый запах и слетались мошки с комарами — и некрасиво, и дышать невозможно.

Цзянь Цинъюй подумал, что этот загон пока лишь временный. Вот когда ему позже удастся обустроить задний двор дома...

Мысль только возникла у него в голове и он вдруг замер.

Позже...

Впервые в жизни он начал задумываться о будущем.

Стоявший посреди двора молодой человек опустил глаза. Длинные густые ресницы едва заметно дрогнули, а взгляд под ними на какое-то время потерял фокус.

Позади, из кухни, доносился стук ножа о разделочную доску. Брошенная в загон дикая курица клевала только что рассыпанное зерно и время от времени негромко кудахтала. Самая

обычная, ничем не примечательная картина, но в груди Цзянь Цинъюя поднималось какое-то незнакомое чувство.

Странное. Непривычное.

Он так и не смог разобраться с этим смутным ощущением. Постояв неподвижно ещё немного, Цзянь Цинъюй внезапно развернулся и широкими шагами направился к кухне.

Войдя внутрь, он резко остановился.

Сквозь поднимающийся пар смутно проступали спокойные, красивые черты лица.

Цзянь Цинъюй тяжело выдохнул.

Кухня была маленькой, потолок низким, а сам он — высоким и длинноногим, так что занятый готовкой Линь Жун почти сразу заметил молча стоявшего в дверях человека.

— Уже закончил? Так быстро?

Сказав это, он выглянул во двор и тихо вздохнул. В его голосе слышалась совершенно неприкрытая зависть:

— Когда сил много — это, конечно, хорошо...

Цзянь Цинъюй чуть опустил брови. Его лицо оставалось спокойным и холодным, но отвечать он не стал.

Взгляд Линь Жуна задержался на его равнодушном лице. Он слегка замер, а затем тихо сказал:

— Ужин почти готов. Иди умойся пока. Скоро можно будет есть.

Этот ясный и спокойный голос словно мгновенно остудил мысли Цзянь Цинъюя.

Он вышел во двор, вымыл руки и лицо, а когда вернулся на кухню, уже вновь стал спокойным.

Подойдя к печи, он приподнял деревянную крышку. В тот же миг вверх ударил густой горячий пар. Цзянь Цинъюй слегка отвернул лицо и заглянул внутрь.

Там был сваренный рис — смесь белого и грубого.

Грубый рис представлял собой дешёвое смешанное зерно. И вкусом, и текстурой он заметно уступал белому рису, зато стоил почти вдвое дешевле.

Белый рис обходился в двадцать две вэнь за полкило, а грубый всего в одиннадцать.

Цзянь Цинъюй лишь пару раз покупал белый рис в городке. Увидев впервые грубый рис, он из любопытства спросил о нём пару слов и без колебаний выбрал привычный белый.

Однако для семьи Линь, у которой не было ни земли, ни молодых мужчин, способных заработать, всё было иначе. Они не выращивали зерно сами и не могли найти постоянную работу в городе, поэтому даже грубый рис готовили понемногу, лишь бы не остаться голодными.

Цзянь Цинъюй смотрел на кастрюлю, где белый и грубый рис были разделены ровно пополам, словно между ними провели черту, и с недоумением спросил:

— Зачем так варить? Всё равно же потом перемешивать.

Линь Жун, опустив голову, нарезал овощи для острой жареной крольчатины. Цзянь Цинъюй не видел выражения его лица, он лишь услышал совершенно естественный ответ:

— Когда я буду накладывать, то не зачерпну белый рис.

— Что?..

Цзянь Цинъюй замер.

Он снова посмотрел в кастрюлю и на какое-то время лишился слов. А в следующее мгновение вдруг выхватил у Линь Жуна лопатку. Одним движением длинной руки он тщательно перемешал рис, и белые с серовато-жёлтыми зёрнами тут же смешались в одно целое, превратившись в обычную зерновую кашу.

От этого внезапного поступка Линь Жун растерялся настолько, что даже не успел остановить его.

Цзянь Цинъюй выпрямился, и они оказались лицом к лицу. Он машинально соскрёб с лопатки несколько жёлтых зёрен и закинул их в рот.

В ту же секунду грубая, жёсткая текстура и неприятный вкус заставили его бровь дёрнуться.

Он поспешно сунул лопатку обратно Линь Жуну и с таким видом, будто ничего не произошло, сказал:

— Ладно, рис готов. Жарь овощи.

Потом вдруг спросил:

— Сколько у вас ещё осталось этого грубого риса?

Линь Жун только сейчас очнулся от оцепенения и ответил:

— Ещё где-то на полмесяца хватит.

Полмесяца есть такое...

У Цзянь Цинъюя едва заметно дёрнулось веко. Он глубоко вдохнул и повторил:

— Больше не покупайте грубый рис. Покупайте белый. Деньги дам я.

Даже в прошлой жизни, во времена апокалипсиса, когда ресурсов катастрофически не хватало, благодаря пробудившейся древесной способности и хорошему достатку семьи до конца света Цзянь Цинъюй никогда не ел ничего настолько отвратительного.

Не считая собственноручно жареных диких кур и кроликов.

Если есть возможность жить нормально — только сумасшедший станет добровольно мучить себя.

Линь Жун хотел возразить:

— Не нужно. Нам и грубого риса хватает...

Но Цзянь Цинъюй вдруг изогнул губы в улыбке и решительно перебил его.

На красивом лице словно вспыхнул свет, так что даже тесная кухня будто стала ярче.

Чётко, слово за словом, он произнёс:

— Только попробуй снова купить его! Я сразу выброшу. Можешь проверить.

Линь Жун тут же уставился на него с полнейшим недоверием, будто не мог понять, как вообще можно выбрасывать еду.

Это ведь то, чем люди набивают желудок!

— Ты... головой нигде не ударился?

— Что за бред ты несёшь?!

<http://bllate.org/book/17612/1638792>